

коллизии личностного самоутверждения сочетались с раскрытием сил, регулирующих законы истории? И находила ли отражение эта особенность русской драматургии в теоретических взглядах деятелей культуры данной эпохи?

Подобная постановка проблемы ведет в свою очередь к вычленению целого комплекса вопросов как общеметодологического характера, так и затрагивающих частные аспекты трактовок идейного содержания отдельных пьес. Понятно, что в пределах одной статьи охватить весь круг встающих в этой связи вопросов вряд ли реально. Поэтому настоящая работа носит заявочный характер. Я ограничусь в ней изложением некоторых предварительных соображений по означенной теме, а также попробую соотнести традиционно принятые в литературоведческих исследованиях оценки историзма трагедий XVIII в. с теми возможностями, которые открывает намеченный выше подход.

Прежде всего естественно ответить на вопрос, как сами драматурги эпохи классицизма осмыслили свое обращение к материалу отечественной истории в контексте решения стоявших перед ними художественных задач. Осознавался ли ими отход в этом отношении от традиции западноевропейского классицизма? И если осознавался, то в чем это проявлялось.

Анализируя с этой точки зрения позицию Сумарокова, мы сталкиваемся с примечательной ситуацией. Мы наблюдаем явный разрыв, бросающееся в глаза несоответствие между его теоретическими высказываниями о специфике жанра трагедии и тем, как реализуется понимание законов жанра непосредственно в драматургической практике Сумарокова. О морально-политическом дидактизме идейного пафоса его пьес мне уже неоднократно приходилось писать.² Для Сумарокова жанр трагедии был прежде всего средством воспитания соотечественников (естественно, представителей правящего сословия) в духе верности идеалам сословно-монархической государственности. Ключевой проблемой, определяющей идейное содержание его пьес, остается проблема долга монарха перед подданными и государством. Насыщенность текста трагедий Сумарокова политическими аллюзиями придавала действию его пьес открыто публицистическое звучание, а выведение на сцене далеких предков — князей и вельмож Киевской Руси — призвано было подтвердить в глазах современников драматурга исконность утверждаемых в пьесах норм нравственного поведения.

Но подобное истолкование природы жанра на практике совершенно не соответствует тем определениям специфики трагедии, которые даются в стихотворном теоретическом трактате Сумарокова «Эпистола о стихотворстве», писавшемся почти одновременно с созданием его первых пьес для театра. В понимании жанра, зафиксированном в этом сочинении, Сумароков ориентировался на

² См.: Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 31—44, 60—74; см. также соответствующий раздел в кн.: История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 60—81.